

Василь Быков

Болото

ФТМ

Василий Быков

Болото

«ФТМ»

2001

Быков В. В.

Болото / В. В. Быков — «ФТМ», 2001

Писатель Василь Быков – участник Великой Отечественной войны, которая определила темы, сюжеты и выбор героев его произведений. Повести его прежде всего – о человеке, пытанном ледяной водой болот, мокрой глиной окопов, пустотой леса в ничейной полосе, неизвестностью исхода войны, соблазном бессилия, безнадёжности, отступничества, бесконечностью раскисших дорог... «... Выбравшись из мрачных, сырых поутру лесных дебрей, где они проблуждали половину ночи, Гусаков облегченно вздохнул: лес кончился, перед ними раскинулось поле. Над подернутой утренней дымкой стеной соседнего леса поднимался ярко-красный диск летнего солнца. Лучей от него еще не было в чистом, погожем, широко залитом багрянцем небе, краснота которого, однако, быстро тускнела, уступая натиску света и голубизны. В поле становилось светлее, стало видно, как полосы ржи чередуются с разными по ширине участками ячменя, пшеницы и картофеля, – как когда-то в доколхозной Западной Белоруссии, где больше года служил Гусаков. Но тут не Западная – тут должна быть Восточная, и эти нивы-полоски давно перепаханы тракторами, а земля обобщена в колхозы. Второй раз за минувшую ночь Гусакова охватила тревога: куда же они угодили? Первый раз встревожился, когда на огромном скошенном лугу, где они приземлились, никто их не встретил, никакого партизанского дозора там не было. Правда, не было и немецкой засады. ...»

© Быков В. В., 2001

© ФТМ, 2001

Содержание

Василь Быков	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Василь Быков

Болото

Выбравшись из мрачных, сырых поутру лесных дебрей, где они пробуждали половину ночи, Гусаков облегченно вздохнул: лес кончился, перед ними раскинулось поле. Над подернутой утренней дымкой стеной соседнего леса поднимался ярко-красный диск летнего солнца. Лучей от него еще не было в чистом, погожем, широко залитом багрянцем небе, краснота которого, однако, быстро тускнела, уступая натиску света и голубизны. В поле становилось светлее, стало видно, как полосы ржи чередуются с разными по ширине участками ячменя, пшеницы и картофеля, – как когда-то в доколхозной Западной Белоруссии, где больше года служил Гусаков. Но тут не Западная – тут должна быть Восточная, и эти нивы-полоски давно перепаханы тракторами, а земля обобщена в колхозы. Второй раз за минувшую ночь Гусакова охватила тревога: куда же они угодили? Первый раз встревожился, когда на огромном скошенном лугу, где они приземлились, никто их не встретил, никакого партизанского дозора там не было. Правда, не было и немецкой засады. В глухой темноте ночи они собрали свои поддуваемые ветром парашюты, потом изрядно провозились в болоте, пока затопили их в камышовых зарослях. Он набрал полные сапоги воды, а старшина Огрызков по пояс угодил в трясину. Впрочем, все это мелочи, день обещал быть погожим – высохнут. Хуже, что ночью невозможно сориентироваться, определить, где они очутились. Долго задерживаться на лугу было опасно, и они наугад подались по перелескам на запад. Потом вышли на полевую дорожку, приведшую в большой смешанный лес, из которого к рассвету выбрались на это холмистое поле.

Подождав, пока сзади подтянутся спутники, Гусаков медленно пошел по меже среди ржи, звучно приминая намокшими сапогами васильки и ромашки. То и дело оглядываясь по сторонам, он старался вовремя заметить какую-нибудь неожиданность. Наибольшую неожиданность, конечно, следовало ожидать от людей. Люди могли быть разные – партизаны, подпольщики, но, наверное, немало и предателей, полицаев, встреча с которыми не обещала ничего хорошего советскому командиру. Ночью все было проще, но как будет днем? Может, лучше пересидеть где-нибудь, сориентироваться и решить, куда двигаться дальше. Потому что стало очевидно: они оказались не там, где должны были оказаться. Но кто в том виноват? Конечно, виноваты летуны, как их иногда называли, им лишь бы сбросить, а там как хотите – хоть в плен к оккупантам. Они в своем штабе доложат, что задание выполнено, готовы наградные. Кто и как их проверит?

В поле пошли друг за другом – на дистанции безопасности, как и полагалось согласно партизанской инструкции, которую три дня перед вылетом изучал Гусаков. В инструкции было изложено все: как сориентироваться в лесу по пню спиленного дерева, как при сырых спичках разжечь костер, как правильно заложить толовую шашку под рельсы и много чего другого – полезного и правильного. Но ничего не было сказано, что делать, если тебя не встретили там, где должны встретить. Или как отыскать в лесных дебрях нужную тебе базу, особенно если она засекречена? Обычно говорят: иди по компасу. Но чем может помочь компас, если неизвестно, где ты очутился после суматошной ночи? Остается разве что завернуть в ближайшую деревню и спросить у какой-нибудь тетki, где находится партизанская база. Вот положение! И это в первые сутки после приземления. Рожь кончалась, в конце нивы приветливо темнела крохотная березовая рошица, к которой и свернул Гусаков. Пожалуй, действительно, следовало остановиться, оглядеться и решить, что делать дальше.

Под березками лежала густая, росистая с ночи тень, место оказалось вполне укромное от постороннего глаза, хотя поодаль из-за ржи виднелись верхушки каких-то высоких деревьев – похоже, там была деревня. Неожиданная близость жилья, конечно, не могла не беспо-

коить Гусакова, который тем не менее устало опустился на мелкую в тени траву. Вскоре к нему подошел старшина Огрызков, статный крутоплечий молодой человек в юфтевых командирских сапогах. Ни о чем не спрашивая, скинул с плеча свой ППШ и, не снимая лямки тяжело нагруженного вещмешка, откинулся на траву. Молча отдыхая, они дожидались третьего из их группы – фельдшера Тумаша.

– Что? – хрипловатым голосом произнес тот, подходя к березкам. – Перекур?

– А ты куришь? – переспросил его Огрызков. Познакомились они накануне вылета и теперь с понятным интересом присматривались друг к другу.

– Я-то не курю, – сказал Тумаш. – А вы курите?

– И мы не курим, – отозвался Огрызков. – Курить – здоровью вредить.

– Вот именно... Здоровье и партизану не помешает.

С виду это был обычный солдатский треп, беззаботная болтовня подчиненных, ничем конкретно не обеспокоенных. Вольготно вытянувшись на траве, они всем своим видом показывали, что всецело полагаются на него, потому что Гусаков – командир и должен обо всем позаботиться. Но он здесь мало что мог, не мог даже определить место своего нахождения. Расстегнув кирзовую полевую сумку, вынул из нее новый, еще не помятый лист карты, развернул его на траве.

– Ну что там? – небрежно спросил Огрызков. – Далеко еще топать?

– Сперва надо определиться, – ответил Гусаков. – Это как минимум.

– А максимум?

– А максимум – тот же минимум, – не вдаваясь в подробности, объяснил командир

– Да-а... Раздолбаи летуны...

Наверно, раздолбаи, старшина прав – об этом командир думал весь остаток прошедшей ночи. Летчики их подвели. Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться... Хотя, пожалуй, могло, вдруг подумал Гусаков, на войне случается разное, она полна самых невероятных случаев. Работая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать. Хотя старшина за линию фронта отправлялся впервые, но служил в диверсионно-разведывательном отделе, где чему-то, наверное, учили. Другое дело фельдшер Тумаш.

– Доктор, ну как прыгнул? – словно уловив мысль командира, обратился к фельдшеру старшина.

– Да прыгнул! – нехотя ответил Тумаш. – Хорошо, что ночью, – ни черта не видать. А днем все могло быть.

– Потому и сбрасывают ночью. Чтоб не увидел, как грохнешься.

Они переговаривались вроде беззаботно, хотя лица обоих были заметно напряжены, оба украдкой поглядывали на командира – ждали, что скажет он. Несколько минут Гусаков изучал карту, и его беспокойство усиливалось – ни одного знакомого ориентира на карте не было. Ни луга, куда они приземлились, ни леса, который перешли, ни дороги, ни поля. Явно не тот лист карты. Но попасть им следовало именно в те, нанесенные на карту места. В том-то и состояла задача.

– Старшина, – со сдержанной решимостью произнес Гусаков. – Пойдете в деревню.

– Это куда?

Не стронувшись с места, на котором он лежал, Огрызков насторожился.

– Вон за полем. Узнать, как называется.

Старшина приподнимался устало и неохотно. Сидя, вдел руки в лямки вещевого мешка, потом встал на одно колено, затем на другое.

– Вещмешок оставь, – сказал командир. – Тумаш возьмет.

Сбросив с плеч тяжелый, набитый толом вещевой мешок, с автоматом в одной руке старшина ленивой походкой пошел по меже вдоль ржаной нивы. Из-под нависших ветвей Гусаков проследил, пока тот не скрылся за рожью.

– Да-а, – неопределенно произнес Тумаш. – Сварил кашу. Как теперь быть?

В вопросе фельдшера послышался тайный упрек ему, командиру, словно он был виновником происшедшего. И командир не ответил. Своей вины в их неудаче он не чувствовал, а обсуждать чужую вину ни с кем не хотел. Тем более с подчиненным или посторонним, каким, по существу, являлся для него этот фельдшер. Впрочем, о том же намекали и в особом отделе, где перед вылетом он проходил инструктаж и где оставил (уже не помнил, какую по счету) подписку о неразглашении. Похоже, спутников для него подобрали случайно, без должной подготовки к опасному заданию. Воспользовавшись его командировкой, вызвали тех, кого понадобилось отправить к партизанам. Хотя кто думал, что все так получится, что их сбросят не туда, куда следует, и их никто не встретит? Тем более – с его, в общем, не тяжелым, но весьма важным и секретным грузом.

– Ты где воевал? – спросил Гусаков, внимательно взглянув на сморщенное и багровое, видно недавно обожженное лицо Тумаша.

– В танковых войсках.

– Танкист, значит?

– Фельдшером был.

– Теперь партизаном будешь. Тоже неплохо, – скупо улыбнулся командир.

– На войне все неплохо, – просто ответил Тумаш. Его неприятное, безбровое лицо оставалось невозмутимо серьезным.

Гусаков подумал, что надо бы фельдшера, а не старшину послать в деревню, потому что старшина хотя и назвался разведчиком, но в разведку пошел, пожалуй, впервые. Впрочем, в их положении назваться можно было кем угодно – документы и погоны они оставили в штабе, а с виду были все одинаковые...

Сторожко озираясь по сторонам, Огрызков вышел из ржи и, присев, затаился под грушей.

Низкорослая молодая грушка вольготно роскошествовала на солнечном приволье, колющее ее сучье низко свисало к самой земле. Впереди за картофельными огородами раскинулась лесная деревушка – гряды, сарайчики, хаты под соломенными стрехами, за ними несколько старых деревьев. Из закопченной трубы крайней хаты вился слабый дымок – наверно, готовился завтрак. За изгородью ходила тонкая, с виду не старая еще женщина, что-то высматривала на грядках, иногда наклонялась, что-то щипала. Чуть в стороне возле кустов паслась привязанная на веревке лошадь; то и дело помахивая хвостом, отгоняла мошкарку.

Огрызков не спешил, улегшись под грушей, дожидался, когда женщина подойдет ближе. Солнце тем временем изрядно поднялось в небе и согревало плечи и мокрый зад; старшина приятно подсыхал после ночного купания. В общем, он тоже досадовал из-за неудачного начала и думал, как бы все последующее не оказалось и того хуже. Главное – у них не было связи. А он уже слышал от своего недавнего начальника-генерала, что без связи в тылу врага делать нечего, можно запросто отдать жизнь за родину. Огрызкову отдавать свою жизнь ни за что не хотелось, он был молод и хотел жить.

Еще он слышал, что в их разведывательно-диверсионном деле многое зависит от тех, кто с тобой рядом. В этом смысле состав их группы ему не очень нравился, если не сказать, что вовсе не нравился. Не говоря уже об обгоревшем фельдшере, который просто – сбоку припеку. Этому, пожалуй, лишь бы дойти к партизанам, где, наверно, будет спокойнее, чем на передовой. А не удастся к партизанам, пристанет к землякам-полицаям. Теперь и тем и другим нужны медики, говорят, раненых да трипперников у всех хватает. Огрызкову не понравился и командир, эта штабная крыса, который стремится командовать, подчинить их себе, но делает это без необходимой власти и твердости. Да и откуда возьмется твердость у человека, который потерял

ориентировку и не знает, куда податься? За таким командиром нужен присмотр. Перед отлетом в особом отделе ему так и сказали: за командира отвечаешь головой. Нельзя допустить, чтобы в случае чего высокие правительственные награды попали в руки врага. Если такая опасность возникнет, знаешь, что надо сделать? Он догадывался, но сделал вид, будто хорошо о том знает и нет нужды в объяснениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.